

**ОБРАЗ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ:
СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

К.А. Озерова

*Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета
Казань, Российская Федерация
karina-usm@yandex.ru*

Социальная память, рассматриваемая в рамках конструктивистского подхода, представляет собой пространство смыслов и значений, связанных с образами прошлого и интерпретацией его связи с событиями настоящего. Чаще всего прошлое актуализируется с целью конструирования и поддержания представлений об этнической группе или об определенной территории. В социальной памяти присутствуют структуры, независимые от сознания и воли людей, которые способны стимулировать те или иные действия и стремления людей, однако сами структуры создаются социальными практиками агентов. Такими агентами выступают государство, социальные институты и отдельные публичные личности. В статье рассмотрен кейс памяти о Волжской Булгарии в Республике Татарстан, показаны основные стратегии политики памяти об этом периоде, а также смыслы и значения в контексте культурной жизни региона, которые актуализируются при помощи обращения к образу средневекового государства.

Ключевые слова: социальная память, политика памяти, этническая идентичность, Республика Татарстан, Волжская Булгария

Объяснение сущности памяти как социального явления базируются на признании социальной памяти, не памятью в психологическом смысле (как суммы индивидуальных воспоминаний), а в качестве процесса «вспоминания», связанного с конструированием, производством, трансляцией и усвоением представлений о прошлом какой-либо группы или общества в целом [6, с. 48]. В том, что Татарстан продолжает восприниматься и презентовать себя именно как особенный регион, важную роль играет определенная политика памяти, которая заключается во внимании к историческому прошлому татар и вообще к истории через призму развития татарской этнической группы и социально-политической самобытности региона.

Социальное пространство памяти на уровне отдельного региона представляет собой пространство разнообразных дискурсов и практик их производства, распространения, потребления и интерпретации. Причем практики интерпретации заключаются не столько в конструировании образов феноменов прошлого, сколько в переоценке явлений и процессов настоящего, на основе отсылки к прошлому [3, с. 152].

Структура социальной памяти может быть описана через выделение в ней культурного и коммуникативного уровня. Социальная память и ее компоненты, с одной стороны выступают в качестве структур, не объективных, но объективированных в виде «мест памяти», идей, текстов (культурный уровень), поверий, слухов и ряда других форм, связанных с межличностной коммуникацией (коммуникативный уровень) [4, с. 54]. Динамический же аспект явления представлен практиками в рамках политики памяти, которая с одной стороны обусловлена социальной памятью, а с другой производит и воспроизводит ее, актуализируя старые и новые образы прошлого в связи с актуальным социальным контекстом. Такое неоднозначное место политики памяти в структуре социальной памяти объясняется при помощи принципа двойного структурирования социальной реальности П. Бурдье [5, с. 154]. В социальной памяти присутствуют структуры, независимые от сознания и воли людей (элементы культурной памяти), которые способны стимулировать те или иные действия и стремления людей, однако сами структуры создаются социальными практиками агентов.

В целом социальная память это, с одной стороны, дискурсы и нарративы, которые выражены в коммуникативной памяти и (или) закреплены в культурной памяти. С другой – это практики, которые актуализируют события, оценки и решения на основе представлений о прошлом (как на уровне сообщества в целом, так и на индивидуальном уровне) и выраженные в различных социальных полях. Важнейший аспект социальной памяти – это практики актуализации идентичности различных социальных групп [7, с. 420]. Механизм того, как представления о прошлом влияют на усиление общей идентичности группы, объясняются как через особенности образов и смыслов о ее прошлом, так и через тот эмоциональный отклик, который они вызывают у членов сообщества. Социальная память чаще всего акцентирована на образах событий и исторических персон с однозначной позитивной или негативной окраской [1, с. 28]. В этой связи при анализе взаимосвязи памяти и идентичности (в особенности, если речь идет о современной российской ситуации) важно иметь в виду, что образы памяти имеют не только когнитивный и поведенческо-нормативный, но и эмоциональный аспект.

Результаты авторского исследования показали, что практики создания и воспроизводства определенных смыслов и символов, связанных с событиями и явлениями прошлого отдельного региона могут рассматри-

ваться в рамках концепции «изобретения традиций» [2, с. 230] и могут быть названы «политикой памяти». Политика памяти – это, прежде всего, изобретение (конструирование) традиции, способной актуализировать и интерпретировать те или иные события и явления прошлого определенным образом для использования в целях изменения настоящего. Причем уровень этих изменений может затрагивать как конкретные объекты и практики, так и чувственно-эмоциональные оценки явлений современности или ощущение идентичности.

Если говорить не о модели процесса, как идеальном типе, а конкретных эмпирических проявлениях политики памяти о прошлом Республики Татарстан, то это скорее не одна гомогенная «политика», а ряд стратегий внутри этой политики, каждая из которых несет различные смыслы относительно прошлого региона. Стратегии политики памяти описывают активность акторов, производящих образы прошлого и способы интерпретации значения исторических феноменов для настоящего, а так же способы распространения этих нарративов через каналы политики памяти. В широком смысле каналами политики памяти являются социальные институты, например, образование, политика, СМИ и т. д. Политика памяти привязана не к актору, а к определенному периоду исторического прошлого (его образу и интерпретации значения для настоящего). Над одним и тем же нарративом могут работать несколько акторов, он может распространяться через множество каналов и в рамках ряда социальных полей. Сами каналы могут дополнять смыслы о прошлом, например, делать их более или менее эмоционально окрашенными (последнее характерно, например, для искусства) или повышать их статус для аудитории (распространение какого-либо нарратива через официальные каналы или от лица высоко статусного человека делает сам нарратив более «веским»). Кроме того, так как аудитория находится одновременно под влиянием множества разнонаправленных стратегий политики памяти, то рассмотрение действий только одного актора, не будет отражать специфику конструирования представлений об том или ином прошлом. Таким образом, политику памяти эффективнее всего рассматривать относительно определенного образа прошлого: явления, личности, события или их совокупности в рамках эпохи или исторического периода.

Булгарская версия происхождения татар, особенная роль Волжской Булгарии в становлении современной Республики Татарстан, несмотря на непрекращающиеся споры общественных деятелей, историков и журналистов, находит сегодня значительную поддержку политической и культурной элиты региона.

Несмотря на то, что это не единственная версия исторического прошлого Татарстана, закрепляемая и воспроизводимая в социальной памяти на региональном и мировом уровне, анализ именно этого периода позво-

ляет рассмотреть особенности формирования социальной памяти благодаря большому массиву актуальных эмпирических данных. Мероприятия, связанные с возрождением болгарских святынь и вообще памяти об этом периоде проходят в республике регулярно, «вспоминание» болгарского наследия актуализируется через учреждение новых музеев и памятников, через институциональное закрепление изучения периода, путем обращения к тематике болгарского прошлого в туризме, политике, образовании. В целом можно предположить существование определенной политики в отношении памяти, проводимой культурной и политической элитой региона, нацеленной на определение того, какие исторические образы будут воспроизводиться и распространяться, а так же на конструирование особой групповой идентичности татар и татарстанцев через эту политику.

Представляемое исследование основано на анализе нескольких видов данных. Во-первых, был проведен содержательный анализ дискурсов о наследии Волжской Булгарии, представленных на официальных правительственных порталах Республики Татарстан («Официальный Татарстан», «Наследие Татарстана», «Официальный туристический портал Республики Татарстан»), а так же материалов республиканских и региональных СМИ (информационных сайтов, электронных и печатных изданий), посвященных периоду Волжской Булгарии и (или) содержащие отсылки к нему, опубликованных в период с 20 января 2014 г. по 10 мая 2017 г.

Во-вторых, было проведено 36 экспертных интервью со специалистами в области истории региона с использованием метода глубинного интервью. На этапе подготовки к исследованию была сформирована теоретическая выборка – обозначены группы и типы экспертов – специалистов, которые в силу их профессиональной деятельности и теоретической подготовленности включены в процессы производства и воспроизводства образов и значений. Ими стали профессиональные историки, специалисты, актуализирующие образы древнейшего прошлого региона в рамках социальных и культурных проектов правительства Республики Татарстан, представители формальных и неформальных общественных организаций, работающих в сфере исторической тематики, а также специалисты, занятые в сфере регионального туризма, учителя, преподающие историю Татарстана в общеобразовательных школах Казани более 5 лет.

В-третьих проанализированы данные массового репрезентативного опроса жителей Казани (N=1000), проведенного в рамках исследования Центра культурных исследований постсоциализма Казанского (Приволжского) федерального университета «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане» (опрос проведен в июне 2014 г.).

Для того чтобы выявить особенности формирования политики памяти на региональном уровне, фокус исследования был сосредоточен на дискурсах о прошлом, транслируемых различными социальными акторами и

практиках, которые актуализируются и санкционируются при помощи этих дискурсов. Под практиками, в данном случае, понимается широкий спектр действий – от создания различных памятников, заповедников, произведений искусства, культурных программ до формирования и поддержки формальных и неформальных институтов, занимающихся производством значений и образов прошлого (например, финансирование определенных археологических и этнографических исследований, создание научно-исследовательских организаций, поддержка группы музыкантов и т.д.).

Анализ документов и публикаций в региональных СМИ, результатов опроса экспертов, занятых в сфере науки, туризма и управления республикой, позволил использовать разработанную концептуальную модель для выявления стратегий политики памяти о болгарском прошлом Татарстана и выявить специфические стратегии политики памяти на региональном уровне. Данные массового опроса жителей Казань, посвященного историческим представлениям, позволили оценить насколько жители столицы Татарстана интересуются периодом Волжской Булгарии, и из каких источников они черпают знания об истории.

Основные акторы, определяющие политику памяти о Волжской Булгарии в Татарстане – это политическая элита региона и отдельные политики, представители Министерства культуры РТ, Министерства образования и науки РТ, республиканский фонд «Возрождение», Государственный комитет по туризму РТ, профессиональные историки, деятели культуры и искусства, религиозные лидеры и неформальные сообщества (действующие в основном в сети интернет). Все эти акторы политики памяти связаны между собой. Акторы, имеющие основные ресурсы, такие как административное влияние и финансы, во многом ориентируются на авторитет и решения высшего политического руководства региона. Акторы политики памяти могут проявлять различные виды активности в рамках стратегий политики памяти в зависимости от того социального поля, в котором они действуют и тех каналов, к которым обращаются.

Представление о прошлом татар как болгарском прошлом, а так же утверждение его как особой ценности для татар и татарстанцев сегодня происходит через несколько каналов. Это публичные высказывания и интервью политических лидеров республики, учебники и образовательные программы, музеи и памятники, информационные сайты и порталы, публикации в СМИ, культура и национальная музыка. Некоторые из них пересекаются в рамках определенных стратегий (как, например, развитие культурного туризма и создание музыкальных произведений и других «болгарских» культурных образцов), а некоторые существуют достаточно автономно (как, например, интерпретация болгарского наследия в учебниках).

Множественность смыслов о прошлом и полей, в которых эти смыслы распространяются и пересекаются, приводит к тому, что жители рес-

публики оказываются аудиторией одновременно нескольких стратегий политики памяти, исходящих от разных акторов и несущих различные смыслы. Во многом аудиторию той или иной стратегии определяют каналы, которые становятся проводниками нарративов о прошлом и его значений для настоящего. В этой связи роль играет то, каким источникам информации отдают предпочтение потребители.

Результаты опроса жителей Казани показывают, что в числе главных источников знаний об истории находятся учебники и курс истории в школе. Вторым по частоте упоминаний источником являются документальные фильмы, третьим – путешествия к историческим местам. При этом значимых различий между татарами и русскими в распределении ответов на этот вопрос не выявлено. Стоит отметить, что лидерами списка источников информации о прошлом являются каналы, содержание которых определяется политикой памяти, т. е. каналы, которые определяют образ прошлого в культурной памяти. Это позволяет предположить, что стратегии политики памяти, направленные на конструирование содержания культурной памяти региона, достигают широкой аудитории. Распределение ответов, полученных в ходе опроса, свидетельствует, что большинство респондентов выбрали 4–5 вариантов источников или более. Одновременное значение множества каналов для формирования представлений о прошлом и истории указывает на правомерность определения социальной памяти как пространства, в котором на аудиторию одновременно воздействуют множество стратегий политики памяти, использующих различные каналы

Результатом исследования стало выделение трех основных типов стратегий политики памяти о периоде Волжской Булгарии как наследия современного Татарстана. Это стратегии обоснования значимости наследия Волжской Булгарии внутри и вне республики, стратегии брендинга региона через обращение к памяти о Волжской Булгарии и стратегии ее связи с региональной идентичностью.

К первому типу относятся, во-первых, акцентирование традиций толерантности и межкультурного диалога, подчеркивание сложившегося мира и терпимости. Традиции мирного диалога подаются как нечто особенное на фоне других регионов и стран. Во-вторых, происходит подчеркивание особой роли межконфессионального мира и того, что болгарское прошлое – основа для восприятия ислама как традиционной для России религии. В-третьих, это репрезентация наследия Волжской Булгарии как общего наследия. Стратегия обозначения наследия Волжской Булгарии как общего наследия для всех, вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности татарстанцев обосновывает значимость культурного наследия Булгарской цивилизаций и ее влияние на всех жителей республики. В-четвертых, расположение памятников относящихся к этому периоду не только на территории Татарстана, но и в соседних регионах

позволяет расширить список тех групп, которые объединены общими, болгарскими корнями для жителей всех соседних субъектов Российской Федерации. В-пятых, это депроблематизация: конструирование образа Волжской Буглрии используется для снижения уровня межэтнической напряженности, и преподносится как одно из преимуществ Татарстана перед другими субъектами РФ. Предпочтение именно болгарской версии истории региона характерно и для риторики властей республики, т. к. болгарское наследие не несет в себе отсылку к каким-либо конфликтам, при этом является более древним, преподносится как наследие развитой в техническом, культурном и политическом плане болгарской цивилизации. Все это может стать не только поводом для гордости современных татарстанцев, но и помочь республике получить свое «лицо» и повысить туристическую привлекательность.

Депроблематизация – это часть комплексной стратегии, в которой акцентируется роль Волжской Буглрии в развенчании мифов и стереотипов, ведущих к возможной напряженности между жителями региона и татарстанцами и остальными россиянами. В сфере туризма и СМИ образ истории региона упрощается, редуцируется до ярких моментов, связанных с сильным государством и сосредотачивается вокруг болгарского наследия. Такое упрощение характерно и для публичных политических обращений руководства республики. Важно отметить, что такие позитивные моменты как толерантность и традиции взаимодействия в древнейшей истории региона сегодня признаются основой взаимоотношений жителей республики, а конфликтные моменты напротив – спецификой прошлого.

Стратегии, направление на обозначение места республики на федеральном уровне, осуществляются через обоснование наличия древнейших связей Волжской Буглрии с другими регионами и актуализации на основании этой связи в прошлом взаимодействия Татарстана с другими регионами России в настоящем. История Волжской Буглрии тесно привязывается к истории Руси путем упоминания отношений между государствами, а также через использование аналогий, подчеркивающих сходства и равнозначность. Актуализируется значимость Волжской Буглрии как прароба Российской Федерации. Стоит отметить, что легитимация особого значения исторического прошлого Татарстана на федеральном уровне сочетается с таким аспектом стратегии поиска места республики на федеральном уровне, как ссыла на экспертное заключение исследователей из числа не татар и не татарстанцев. Роль периода преподносится не как оценка жителей самого Татарстана, а как заключение независимого и авторитетного сообщества.

Нарратив о первой государственности на территории современного Татарстана, который был сильно политизирован в 90-е гг. XX в., сегодня обретает иные значения. Основные акцентируемые в связи с Волжской

Булгарией смыслы – это усиление гордости за предков среди татар, и особенное значение этого опыта с точки зрения выстраивания отношений с федеральным центром и традиций развитости в самом широком смысле. Особым значением наполняется акцентирование высокого морального духа и качеств, присущих древним булгарам. Они описываются как трудолюбивые, толерантные, талантливые люди, представители городской развитой цивилизации, знакомые со многими науками, достаточно грамотные. Наследие Булгарской цивилизации актуализируется как значимое для мировой культуры.

Наличие физических объектов, которые демонстрируют память о Волжской Булгарии, даже если они и являются лишь реконструкцией, являются базой для особого, наполненного эмоциями восприятия данного исторического места.

Ко второму типу относятся стратегии брендинга региона через обращение к памяти о Волжской Булгарии. Политика памяти о болгарском прошлом республики осуществляется через стратегию обозначения истории Татарстана как части мировой истории. Эта репрезентация актуализируется через отсылку к тому интересу и вниманию, которое проявляют представители иностранных государств к истории Волжской Булгарии. Другой аспект стратегии связан с практиками вывода репрезентаций истории этого периода на мировой уровень. Зачастую это выражено в повторении форм актуализации социальной памяти, распространенных в Москве, Петербурге или за рубежом (создание интерактивных музеев, лазерных шоу и т. д.), а также через представление средневекового периода на международных мероприятиях (конференциях, фестивалях и т. д.).

Происходит институционализация практик актуализации прошлого. Под институционализацией в данном случае понимается создание формальных и неформальных институциональных структур, занятых «работой» с прошлым региона. Основным актором в рамках данной стратегии является правительство республики и профильные министерства, а также близкие к ним авторитетные представители профессионального сообщества историков и культурной сферы. В академической среде стратегия выражена в учреждении новых научно-исследовательских подразделений. Таким образом, институализируются как практики изучения болгарского наследия и производства смыслов о нем, так и практика подготовки археологов и историков, работающих, а рамках проблематики Волжской Булгарии.

Создание инфраструктуры становится еще одной значимой стратегией политики памяти о Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане. Формирование музейных комплексов учитывающих не только требования экспертов, но и потребности в удобстве и развлечениях для туристов – акцентирует внимание на том периоде, которому эти комплексы посвящены. Развитая инфраструктура памятника, который в массовом сознании связы-

вается с болгарским периодом, во многом определяет и работу Министерства культуры РТ и Министерства образования и науки РТ по популяризации именно болгарского исторического наследия региона.

Значительные вливания средств в инфраструктуру заповедника в Булгаре влияют и на организацию туристических потоков. В рамках данной стратегии выделяется феномен стягивания ресурсов к одному объекту и создания основного символа болгарского периода с привязкой к нему значений ценности и важности периода в целом. Таким главным символическим местом памяти о наследии Волжской Булгарии становится Болгарский историко-археологический заповедник. В качестве основной причины этого феномена большинство опрошенных экспертов определяют не идеологические, а прагматические цели: повышение эффективности рекламы, формирование туристического имиджа республики и пополнение бюджета.

Поле туристических практик становится полем развертывания стратегии использования культурной ценности как экономического ресурса. Создание экономической ценности на базе культурной происходит через использование образа развитой и интересной болгарской цивилизации для рекламы и «раскручивания» туристических объектов. Экспертами отмечается переход от нарративов, связанных с политическими отношениями в 1990-х гг., к тем экономическим выгодам, которые может принести республике развитие туризма на основании обращения к болгарскому наследию. Необходимость присоединения к познавательной части туристических программ развлечений и сокращения информации по истории, преподносимой для туристов, отмечается многими участниками исследования. Репрезентация истории в форме развлечения зачастую ложится на плечи мелких предпринимателей, арендующих помещения у администрации памятников болгарского периода и предлагающих попробовать «древние» игры, примерить одежду, подержать «средневековое» орудие.

Данные новые практики – часть стратегии мифологизация и упрощения. Упрощение исторических фактов и отбор наиболее ярких моментов отмечается в различных полях социальной памяти региона. Особенно оно характерно для туристической и культурной сфер. Мифологизация в данном случае представляет собой работу по упрощению истории и наполнению нарративов о Волжской Булгарии не столько значениями, связанными с исследованиями историков и археологов, сколько мифами и поверьями. Первым элементом данной стратегии является героизация и романтизация болгарской истории. Образ героического прошлого выстраивается через обращение к легендам, приданиям и сказаниям. Форма мифа становится удобна для создания и корректировки репрезентаций прошлого, так как исторический миф сам по себе не предполагает фактической точности, но при этом является ярким образом прошлого, наполнить который значениями можно как угодно.

Последний выделенный на основании результатов исследования тип стратегий политики памяти о Волжской Булгарии – это стратегии связи с региональной идентичностью. В рамках типа можно отметить стратегию внедрения образов, связанных с Волжской Булгарии в повседневность жителей республики. Прежде всего, это касается использования болгарских символов и образов, например в гербе республики. К этой стратегии относится распространение «болгарских» названий различных организаций. Несмотря на то, что зачастую в повседневности горожан выбор этих названий никак не интерпретируется, само по себе частое упоминание различных «болгарских» названий и образов делает их легко узнаваемыми, знакомыми и даже привычными. Стратегия внедрения памяти о болгарском прошлом Татарстана является одной из самых ненаправленных, однако захватывающей широкие слои населения.

Происходит наполнение эмоциями всего болгарского. Обращение к болгарским предкам содержит отсылки к таким эмоциям как гордость и восхищение, которые вызывают болгары и объекты, принадлежащее их культуре. Эмоционально окрашены и любые отсылки к особой нравственной культуре и силе духа древних болгар.

Политика памяти о болгарском наследии в Татарстане связана со стратегией обоснования права на это наследие. Элементами этой стратегии становятся использование риторики дискредитации исследований чувашских ученых и любых работ, где наследие болгар признано не татарским и даже не татарстанским. Другой путь обоснования права татар на наследие Волжской Булгарии связан с акцентированием того, что болгарское прошлое принадлежит многим народам и того, что это поле для сближения наследников болгарской цивилизации.

Значима и стратегия, обосновывающая связь Волжской Булгарии и этнической группы. Интерпретация роли татар сегодня происходит через место их предков в прошлом. В рамках стратегии можно выделить ряд элементов. Во-первых, акцентируется значимость взгляда со стороны других этнических групп. Определение татар как потомков болгар, а не татар-монголов, оценивается как то, что работает на улучшение имиджа этнической группы на всероссийском уровне. По оценкам информантов, для самих татар образ болгарских предков является важным не столько благодаря дискурсам о культурной памяти, сколько благодаря образам и легендам, передающимся в коммуникативную память.

Стратегия связывания древних болгар и современных татар выражается в том, что устанавливаются параллели между чертами, присущими болгарам в прошлом и чертами «национального» характера современных татар. Отмечается, что в качестве наследия Волжской Булгарии татарам, во-первых, досталось евразийское мышление, ислам как часть мировоззрения, «предпринимательская жилка», трудолюбие и высокие моральные

качества. Актуализируется связь образа болгар как «создателей» государств и тем, что сегодня татары имеют «свою» республику с развитым управленческим аппаратом. Принятие ислама в Волжской Булгарии репрезентируется как цивилизационное решение, конструируется и транслируется образ мирного ислама, который становится основой для познания, развития, а не противоречий, при этом ислама «своего», т. е. традиционно для этой части России.

В целом, выявленные нарративы тесно связаны стратегией обоснования особого, исторически обусловленного, значимого места Республики Татарстан в составе Российской Федерации. Такая характеристика как цивилизованность и развитость связывается как с татарами, так и с другими представителями республики. При этом самоидентификация с булгарами может и не нести какой-либо эмоциональной окраски и восприниматься только как элемент происхождения современных татар. Информанты-эксперты подчёркивают, что быть татарами все же значимее, чем быть булгарами или монголами. Идентичность самих жителей республики не строится на основе выбора одного предка. Это подтверждают и данные массового опроса 2014 г. жителей столицы Республики Татарстан, посвященного историческим представлениям. Отвечая на вопрос о том, кто является предками татарского народа, четверть респондентов выбрала вариант «волжские булгары и татаро-монголы» (24,1%), пятая часть – назвала татаро-монгол, и несколько меньшее количество опрошенных (18,6%) – древние тюркские племена. Только 15,4% считают болгар единственными предками татар.

Таким образом, в целом «булгарский» компонент отмечают 39,5% жителей Казани. Значимых различий в ответе на вопрос о том, кто является предками татар, в зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности нет. Результаты опроса позволяют заметить, что образ древних болгар чаще связывают с татарами, чем татар с древними булгарами (на что указывает разница в 15% при сравнении контрольных вопросов о предках татар и потомках болгар). Связь с булгарской цивилизацией, таким образом, важный, но не единственный компонент представлений о происхождении татар, как для них самих, так и для русских, проживающих в Татарстане. Хотя интерес к Волжской Булгарии как историческому периоду татары отмечают на 10% чаще (при этом это самый интересный период региональной истории и для русских).

Пространство представлений о прошлом, дискурсов и связанных с ними практик многомерно. Это выражается в возможности одновременного развертывания стратегий политики памяти, которые основываются на противоположных тезисах. Так стратегии политики памяти о Волжской Булгарии, основывающие первостепенное значение булгарского наследия для современных татар и татарстанцев, соседствуют со стратегией опро-

вержения первостепенной значимости болгарского прошлого региона. В рамках стратегии актуализируются нарративы о том, что акцентировать внимание именно на болгарском наследии ошибочно, отмечается, что тренд на внимание к Волжской Булгарии задан только благодаря авторитету и инициативе первых лиц республики, в частности первого Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева.

Стоит отметить, что как стратегии обоснования важности Булгарского прошлого татар и Татарстана, так и стратегии, направленные на опровержение этого тезиса, осуществляются через одни и те же каналы – академические тексты, СМИ, мероприятия. Особенными является лишь каналы, связанные с туризмом, которые активнее используются в рамках стратегий первого типа. Некоторые элементы стратегий схожи – это обоснование значимости того или иного периода и символического «предка» для идентичности татар, для политической культуры региона.

В целом, нарративы о влиянии Волжской Булгарии в поле туризма, политики и науки зачастую противоположны друг другу по содержанию. СМИ в рамках каждого типа стратегий выступают не как совокупность акторов-журналистов, а как канал, через который свои позиции одновременно транслируют множество акторов политики памяти. В поле религиозных практик актуализация наследия болгар происходит чаще, чем какого-либо другого исторического наследия. Политической элитой Татарстана и цитирующими её региональными СМИ рост значения в культурной жизни республики болгарского наследия легитимизируется через утверждение исключительной ценности и богатства этого наследия, тех возможностей, которые открываются для повышения туристической привлекательности Республики Татарстан. В рамках поля политики болгарское прошлое становится источником нарративов об исторической обусловленности особенного положения региона в рамках страны в целом. Булгарское прошлое – источник для нарративов о единстве и общности исторического наследия региона для всех этнических групп современного Татарстана и Поволжья, древних традиций толерантности и взаимодействия разных культур. Одинаково важными позиционируются работы именно в двух направлениях – условно говоря, по сохранению как «татарского», так и «русского» наследия, как наследия исламского, так и православного. Доказывается утверждение того, что болгарское наследие – это не просто несколько памятников, это ценностно образующее начало для всего региона, наполненное особым смыслом, которое оказывает значимое влияние на всю культуру региона.

Прямая связь болгарского и татарского характерна для нарративов в туристической сфере и в рамках тематических интернет-порталов. В академической сфере такой подход признается дилетантским, болгарское наследие признается, но не идеализируется и воспринимается как часть ис-

тории региона, однако не как самая значимая. Историки в лице отдельных исследователей и представителей определенных исследовательских традиций, формальных институтов производят основной массив тестов, содержащих образы прошлого республики. Однако интерпретация их связи с настоящим происходит в рамках статей для региональных СМИ, в том числе и в сети интернет.

Анализ эмпирических данных позволил подтвердить гипотезу о социальной памяти как о результате конструирования в рамках множества стратегий политики памяти. Память о болгарском периоде региона действительно не просто описывает прошлое региона определенным образом, а интерпретирует то, как болгарское прошлое определяет настоящее республики в области взаимодействия культур и конфессий, развития туризма и сферы политики.

Изучение того кто, как и с какими целями создает культурные образцы, конструирующие определенные образы истории – актуальная тема для дальнейших исследований, которая может дать новую информацию относительно динамики межэтнических отношений в регионе, а так же механизмов и направленности формирования этнической и региональной идентичности, брендинга региона через его прошлое. Концептуализация феномена социальной памяти как социального конструкта позволяет проследить способы и пути формирования представлений о прошлом. При этом часто одна и та же аудитория (татарстанцы-татары, татарстанцы-русские, туристы и т.д.) одновременно сталкиваются с различными стратегиями, иногда несущими противоречащие друг другу смыслы и оценки.

Любые версии истории преломляются в зависимости от того на какую почву они попадают – элементы предлагаемых образов истории могут быть приняты, отвергнуты или переосмыслены. Перспективным направлением исследования может стать анализ степени «пластичности» социальной памяти, т. е. того, насколько легко сменяют конструкты друг друга и как это происходит в представлениях «потребителей» продуктов политики памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С. 5–40.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Н.Л.О., 2014. 328 с.
4. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Озерова К.А. Образ Волжской Булгарии и социальная память: стратегии политики памяти в региональном контексте

5. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Алетея, Институт экспериментальной социологии, 2007. 288 с.

6. Олик Дж., Хлевнюк Д., Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. №1. С.40–74

7. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с.

Сведения об авторе: Озерова Карина Адгамовна – ассистент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, ул. Кремлевская, 35, Казань, Российская Федерация); karina-usm@yandex.ru

**IMAGE OF VOLGA BULGARIA AND SOCIAL MEMORY:
STRATEGIES OF THE POLITICS OF MEMORY
IN REGIONAL CONTEXT**

K.A. Ozerova

*Institute of Socio-Philosophical Sciences and Mass Communications
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
karina-usm@yandex.ru*

Social memory, considered within the constructivist approach, is a space of meanings and values associated with the images of the past and its interpretation in relation to present events. In most cases, past events are actualized to build and maintain the perceptions of the identity of an ethnic group or a specific territory. Social memory is a structure independent of consciousness and will, capable of stimulating certain actions and aspirations of the people, but in the structure of established social practices of agents. Such agents are state, social institutions and individual public identity. The article describes the case of a memory about the Volga Bulgaria in the Republic of Tatarstan. It reveals the basic strategies of the politics of memory about this period and also meanings and values in the context of the region's cultural life, which are actualized by means of referring to the image of the Volga Bulgaria

Keywords: social memory, politics of memory, ethnic identity, Tatarstan, Volga Bulgaria

REFERENCES

1. Alexander J. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskij zhurnal – Sociological Journal*, 2012, no. 3, pp. 5–40. (In Russian)

2. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma*. [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, KANON-press-TS Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2001. 288 p. (In Russian)

3. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Politics of History]. Moscow, N.L.O. Publ., 2014. 328 p. (In Russian)

4. Assman J. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 368 p. (In Russian)

5. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Moscow, Aletheia Publ., Institute of Experimental Sociology, 2007. 288 p. (In Russian)

6. Olick J.K., Khlevniuk D. *Figuratsii pamyati: protseso-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii* [Figurations of Memory: a Process-Relational Methodology as Exemplified by Germany]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological review*, 2012, no. 1, pp. 40–74. (In Russian)

7. Hobsbawm E. *Epokha kraynostey: Korotkiy dvadtsatyy vek (1914–1991)* [The Age of Extremes: the Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow, the Independent Newspaper Publ., 2004. 632 p. (In Russian)

About the author: Karina A. Ozerova is an Assistant of the Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University (35, Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); karina-usm@yandex.ru